

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-07>

ОТ РУССКОГО МНОГОТОЧИЯ К ФРАНЦУЗСКОМУ: К ВОПРОСУ О МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

УДК 81`27

Виталий А. Нуриев

Институт научной
информации по
общественным наукам
Российской академии
наук (ИНИОН РАН)
Москва,
Российская Федерация

Аннотация

Представлено контрастивное корпусное исследование многоточия в русском и французском языках (в переводном направлении русский-французский). Сопоставляются функциональный потенциал пунктуационного знака и частота его употребления, выявляются зоны функциональной симметрии и асимметрии. Исследовательским инструментом служит база данных, функционирующая на основе параллельных корпусов Национального корпуса русского языка. С ее помощью установлено, что многоточие отличается большей продуктивностью в русском языке. При переводе оно может индуцировать трансформационные сдвиги (замену многоточия иными знаками препинания или его опущение), что подтверждает тезис о несовпадении «прагматических фильтров» в разных языковых культурах. Показано, что в сопоставляемых языках одной из основных функций многоточия – наряду с обозначением незаконченности, заминки, перерыва (обрыва) в речи, резкого повествовательного поворота и т.д. – является обеспечение доступа к эмоциональному подтексту. Исследование доказывает, что пунктуационная система обладает динамической устойчивостью: она способна одновременно сохранять функциональное ядро знака и адаптироваться к прагматическим нормам принимающей культуры. Социолингвистическая составляющая работы затрагивает межъязыковую вариативность пунктуации, проводя мысль о том, что многоточие – маркер письменной речи, отражающий культурно обусловленные особенности общения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пунктуация, многоточие, межъязыковая асимметрия, вариативность, корпусные информационные инструменты, параллельный корпус, русский, французский

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Виталий А. Нуриев, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-07>

FROM RUSSIAN TO FRENCH ELLIPSIS MARKS: A CROSS-LINGUISTIC PERSPECTIVE ON PUNCTUATION VARIABILITY

UDC 81 27

Vitaly A. Nuriev
Institute of Scientific
Information for Social
Sciences (INION RAN)
Russian Academy of
Sciences
Moscow,
Russian Federation

Abstract

This article presents a contrastive corpus-based study of the ellipsis mark in Russian and French, focusing on the Russian–French translation direction. The study compares the functional potential of this punctuation mark and its frequency of use, identifying areas of functional symmetry and asymmetry. The research is based on a database operating on the parallel corpora of the Russian National Corpus.

The analysis demonstrates that the ellipsis is more productive in Russian than in French. In translation, it may trigger transformational shifts, including its replacement by other punctuation marks or its omission altogether, thus confirming the hypothesis that different linguistic cultures employ distinct “pragmatic filters.” The findings show that, in both languages, one of the principal functions of the ellipsis – alongside indicating incompleteness, hesitation, interruptions or breaks in speech, abrupt narrative shifts, and other discourse phenomena – is to provide access to emotional subtext.

The study further demonstrates that punctuation systems exhibit dynamic stability: they are capable of preserving the functional core of a punctuation mark while simultaneously adapting to the pragmatic norms of the target culture. The sociolinguistic dimension of the research addresses cross-linguistic variation in punctuation practices and argues that the ellipsis functions as a marker of written discourse that reflects culturally conditioned patterns of communication.

KEYWORDS: punctuation, ellipsis mark, cross-linguistic asymmetry, variability, corpus-based information tools, parallel corpus, Russian, French

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Vitaly A. Nuriev, 2026

1 | Введение

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется устойчивым интересом к изучению пунктуации как динамичного, социально обусловленного ресурса письменной коммуникации. Исследовательский фокус направлен на функциональную нагрузку знаков препинания, их роль в организации дискурса и способность выступать маркером коммуникативной интенции говорящего. Этот интерес вызван тем, что в цифровую эпоху, став средством-медиатором электронного общения, знаки препинания активно меняют свои привычные функции, несмотря на регуляторную жесткость правил их постановки, обозначенных в нормирующей литературе (см. об этом [Кронгауз, 2025; Busch, 2021]).

Нашим исследовательским объектом является многоточие. Оно представляет собой один из тех знаков препинания, практика использования которых в цифровой среде претерпевает значительную функциональную трансформацию, адаптируясь к новым коммуникативным условиям [Steinsiek, Beißwenger, Zang, 2025: 89]. Это положение коррелирует с задачей настоящей статьи – выявить функциональную нагрузку многоточия, зоны функциональной симметрии и асимметрии в русском и французском языках, учитывая как нормативные предписания, так и узуальные предпочтения. В анализе эмпирического материала постановка многоточия интерпретируется как речевое действие, используемое для развертывания языковой структуры и обозначения субъектной позиции в диалоге: при формулировании правил постановки многоточия реконструируется речевая ситуация, ее прагматические характеристики, распределение коммуникативных ролей и т.д.

Социолингвистическое изучение многоточия естественным образом связано с вопросами межъязыковой вариативности и последствий этой вариативности для перевода. Как социокультурные нормы, разнящиеся от одной национальной общности к другой и опосредующие письменную коммуникацию, влияют на перевод пунктуации? Контрастивные корпусно-ориентированные исследования показывают, что использование многоточия в немецком и китайском языках, например, имеет свои специфические закономерности [Steinsiek, Beißwenger, Zang, 2025]. В этой связи отдельной исследовательской задачей стало установление частотности многоточия в двух сопоставляемых языках, а иллюстративный эмпирический материал было решено приводить в форме параллельных контекстов.

В статье три основных раздела, они выделены в соответствии с трехчастной структурой, которая сформирована с опорой на [Ström Herold, Levin, 2021; Pecorari, Longo, 2021].

2 | Материал и метод

Эмпирический речевой материал имеет совокупный объем более 7 млн словоупотреблений в двух параллельных корпусах Национального корпуса языка (НКРЯ) – французско-русском и русско-французском. Он обрабатывался с помощью базы данных, функционирующей на основе параллельных корпусов НКРЯ и оснащенной пунктуационным поиском.

Поисковые запросы в базе данных имеют следующую структуру:

- а) многоточие в исходном тексте (ИТ); многоточие в переводном тексте (ПТ);
- б) многоточие в ИТ; иной пунктуационный знак в ПТ (иным пунктуационным знаком считается в том числе !.. / для французского !... и ?.. / для французского ?...);
- в) многоточие в ИТ; отсутствие какого-либо пунктуационного знака (нулевой эквивалент) в ПТ;
- г) иной пунктуационный знак в ИТ; многоточие в ПТ;
- д) отсутствие какого-либо пунктуационного знака (нулевой эквивалент) в ИТ; многоточие в ПТ.

Объем обрабатываемого материала в 2 основных категориях – художественная и нехудожественная литература – сбалансирован (см. применение этой методологии для изучения двояточия в [Нуриев, 2025]).

В отношении социолингвистических характеристик литературных переводчиков, чьи переводы служат источником эмпирического материала, не учитывались демографические данные (возраст и пол), т.к. возрастная и гендерная симметрия между авторами оригинала и перевода не считается обязательным условием для заключения договора на перевод. Во внимание принимались географические данные: место рождения/место длительного проживания (Франция/Россия). При оценке языкового опыта переводчиков релевантными считались такие параметры, как родной язык (у всех – французский), постоянная языковая среда (французская, франко-русская) и профессиональная составляющая: образование (высшее), профессия (переводчик/преподаватель), наличие опубликованных переводов, имеющих положительные критические отзывы и награды, сложившаяся репутация (социально-профессиональный статус) в литературном сообществе.

Методология исследования описана в [Нуриев, Игнатова, 2024; Нуриев, Карпов, 2023; Нуриев, Кружков, 2023; Нуриев, 2025; Nádvořníková, 2020].

3 | Пунктуационные норма и узус в сопоставляемых языках

В разделе представлен функциональный потенциал многоточия (на примере русского многоточия на фоне французского языка)⁶⁵. Нормативные установки реконструируются на основе грамматических справочников и дидактической литературы, узусальные выделяются на корпусном материале.

Употребление многоточия в русском языке, как и пунктуация вообще, подчинено семантико-грамматическому (синтаксическому) принципу. Многоточие выполняет одновременно демаркативную и смысловозначительную функции, отмечая в общем случае границу двух текстовых блоков (Р и Q) – частей предложения, предложений или сложных синтаксических целых, между которыми устанавливаются определенные семантические отношения. Исходя из графического начертания, оно – наряду с тире – относится к горизонтальным знакам препинания, т.е. знакам, требующим «для своего изображения движения руки слева направо (тире и многоточие)» [Шапиро, 1955: 169]. Для сообщения дополнительных семантических оттенков типа эмоционального напряжения может сочетаться с вопросительным и восклицательным знаком, при этом из трех точек, обычно составляющих многоточие, остаются две (?.., !..) [Правила русской орфографии и пунктуации, 1957: 105]. Отличается позиционной свободой – может стоять в абсолютном начале и конце предложения, может занимать медиальную позицию, располагаясь внутри предложения. Его структурно-синтаксическая обусловленность ослаблена в силу отсутствия жесткой привязанности к грамматике текста и большей принадлежности к эмоциональной и содержательной стороне речи [Валгина, 2004: 132]. Многоточие заполняет собой «перерыв» в речи, который характеризуется задержкой в процессе изложения мысли, не связанной с особенностями синтаксического строения предложения. В устном речевом потоке такая задержка соответствует длительной, заметной для слушающего, паузе. «Факторы, вызывающие перерывы в предложении, многообразны и не одинаковы по своей природе. Следует различать перерывы, характерные для разговорной речи и имеющие место обычно в диалоге, и перерывы, более типичные для речи письменной» [Шапиро, 1955: 206].

При оформлении диалога на письме многоточие ставится, чтобы указать на то место, «где в устной речи делается перерыв» [Шапиро, 1955: 208–209], и употребляется в следующих случаях.

⁶⁵ Описание функционального потенциала французского многоточия на фоне русского языка по представленной схеме не приводится в силу ограниченного объема статьи.

Когда необходимо передать незаконченность, прерывистость речи говорящего, имеющие под собой самое разное психологическое и физиологическое обоснование – заминку, связанную с разного рода затруднением в подборе последующего словесного выражения мысли.

Так, многоточие служит для обозначения паузы, во время которой речевой субъект подбирает очередной составной компонент сочиненного ряда, при этом испытывая эмоциональное возбуждение:

(1)

– Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще одну вещь принесу... серебряную... хорошую... папиросочницу одну... вот как от приятеля ворочу... (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866)

– Je vous apporterai peut-être ces jours-ci, Alena Ivanovna, encore un autre objet... en argent... de valeur... un étui à cigarettes... dès que je l'aurai repris à un camarade... (F. Dostoïevski. Crime et châtiment, 1947, tr. É. Guertik)

Оно может обозначать хезитационную паузу, которая происходит оттого, что говорящий затрагивает какой-либо щекотливый предмет и допускает заминку, пытаясь подобрать словесную форму выражения, наиболее приемлемую для слушающего во избежание обиды и прочих нежелательных реакций:

(2)

Отвечая Аглае, предполагающей, что Ипполит хотел застрелиться для того, чтобы она потом прочла его исповедь, Мышкин говорит: «То есть, это... как вам сказать? (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, 1963)

A Aglaïa qui suppose qu'Hippolyte voulait se tuer pour qu'ensuite elle lise sa confession, Mychkine répond : « C'est-à-dire, c'est... comment vous expliquer ? (M. Bakhtine. La poétique de Dostoïevski, 1970, tr. I. Kolitcheff)

Многоточие служит сигналом обрыва в последовательном изложении мысли, когда речевой субъект по каким-либо причинам – вопреки ожиданиям слушающего – решает дальше не продолжать начатое предложение, например, что-то объясняя:

(3)

Невский Проспект прямолинеен (говоря между нами), потому что он – европейский проспект; всякий же европейский проспект есть не просто проспект, а (как я уже сказал) проспект европейский, потому что... да... (А. Белый. Петербург, 1913)

La perspective Nevski est rectiligne – ceci dit entre nous – parce que c’est une avenue européenne ; toute avenue européenne est non pas une simple avenue mais – comme je l’ai déjà dit – une avenue à l’européenne, parce que... eh bien oui... (A. Biély. Pétersbourg, 1967, tr. J. Catteau, G. Nivat)

В (3) диалог повествователя с воображаемым слушателем-собеседником сближается с внутренним монологом, где ответная реакция либо не предполагается вовсе, либо имеет несущественное значение, так как предвосхищается говорящим заранее и допускается им в единственно возможной форме. Такое многоточие может использоваться и в качестве указания на то, что говорящий теряет нить мысли.

Любопытнее обстоит дело с многоточием в оформлении диалога (в том числе внутреннего), где оно стоит на месте обрыва речи, скрывая продолжение мысли, в котором заключено положение вещей, отличное от эталонного в представлении говорящего. В (4–6) после многоточия следует Q, содержащее отрицание и/или негативную оценку Р и указывающее на резкий поворот мысли:

(4)

И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! – прибавил он решительно. (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866)

Est-il possible, est-il vraiment possible que je... non, quelle bêtise, quelle absurdité ! ajouta-t-il d’un air résolu. (F. Dostoïevski. Crime et châtiment, 1947, tr. É. Guertik)

(5)

Все, кроме предательства!

— Что ты имеешь в виду?

— Твое вечное пьянство. Твое... даже не хочу говорить... Нельзя быть художником за счет другого человека... Это подло! Ты столько говоришь о благородстве! (С. Довлатов. Заповедник, 1983)

Tout, sauf la trahison !

— Que veux-tu dire ?

— Ton éternelle ivrognerie. Ton... Je ne veux même pas en parler... On ne peut pas s’instituer artiste aux frais des autres... C’est lâche ! Tu n’arrêtes pas de parler de noblesse. (S. Dovlatov. Le Domaine Pouchkine, 2004, tr. C. Zeytounian-Beloüs)

(6)

— Не знаю, не могу судить... Нет, могу, — сказала Анна, подумав; и, уловив мыслью положение и свесив его на внутренних весах, прибавила: — Нет, могу, могу, могу. (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1873–1877)

— Je n'en sais rien, je ne puis pas juger... Si, reprit-elle après avoir réfléchi et pesé la situation dans son for intérieur, je le puis, je le puis certainement. (L. Tolstoï. Anna Karénine, 1952, tr. H. Mongault)

Многоточие может указывать на паузу, связанную с тем, что говорящий не может сразу вызвать в памяти необходимую информацию, иными словами, с забывчивостью субъекта речи:

(7)

Аполлон Аполлонович был главой Учреждения; ну, того... как его? (А. Белый. Петербург, 1913)

Apollon Apollonovitch était à la tête de l'institution ; vous savez bien... comment l'appelle-t-on ? (A. Biély. Pétersbourg, 1967, tr. J. Catteau, G. Nivat)

Многоточие вводит недосказанность, обусловленную тем, что предмет разговора составляет нечто, не вполне соответствующее общественным приличиям и нормам:

(8)

Жена, довольная мною, встает и идет к двери, но тотчас же возвращается и говорит: — Кстати еще одна просьба. Я знаю, ты рассердишься, но моя обязанность предупредить тебя... Извини, Николай Степаныч, но все наши знакомые и соседи стали уж поговаривать о том, что ты очень часто бываешь у Кати. Она умная, образованная, я не спорю, с ней приятно провести время, но в твои годы и с твоим общественным положением как-то, знаешь, странно находить удовольствие в ее обществе... К тому же, у нее такая репутация, что... (А.П. Чехов. Скучная история, 1889)

Contente de moi, elle se lève et gagne la porte, mais revient aussitôt et dit : « À propos, j'ai encore quelque chose à te demander. Je sais que tu vas te fâcher, mais mon devoir est de te prévenir. Excuse-moi, mais toutes nos connaissances et tous nos voisins commencent à dire que tu vas bien souvent chez Katia. Elle est intelligente, cultivée, je n'en disconviens pas, sa compagnie est agréable, mais, à ton âge et avec ta position sociale, c'est bizarre, tu sais, de trouver plaisir à sa société... En outre elle a une réputation qui... » (A. Chekhov. Une banale histoire, 1960, tr. É. Parayre)

Многоточие ставится на месте речевой паузы, призванной служить для стимулирования интереса к тому, что будет сказано далее, при этом в зависимости от коммуникативной ситуации и ее прагматического наполнения говорящий может сменить тему

разговора или вовсе оборвать его. Такое употребление многоточия во многом сближается с эффектом нагнетания саспенса в кинематографе, когда определенным образом – благодаря совокупности некоторых приемов – возбуждается интерес зрителя к тому, какое развитие получит сюжет в дальнейшем:

(9)

Второй фант вышел Зинаидин. Она подняла глаза к потолку и задумалась. – Вот, послушайте, – начала она наконец, – что я выдумала... Представьте себе великолепный чертог, летнюю ночь и удивительный бал. Бал этот дает молодая королева. Везде золото, мрамор, хрусталь, шелк, огни, алмазы, цветы, куренья, все прихоти роскоши. (И.С. Тургенев. Первая любовь, 1860)

Le deuxième gage lui revint. Elle leva les yeux au plafond et devint rêveuse. « Écoutez, dit-elle enfin, voici ce que j'ai trouvé... Imaginez-vous un salon magnifique, une belle nuit d'été et un bal superbe... Ce bal est offert par la jeune reine. Partout, de l'or, du marbre, du cristal, de la soie, des feux, des diamants, des fleurs, des plantes odorantes... Bref, tout ce que le luxe peut rêver. (I. Tourgueniev. Premier Amour, 1974, tr. M.-R. Hofmann)

(10)

— Ступайте домой, мсьё Вольдемар, почиститесь, да не смейте идти за мной – а то я рассержусь, и уже больше никогда... Она не договорила своей речи и проворно удалилась, а я присел на дорогу... ноги меня не держали. (И.С. Тургенев. Первая любовь, 1860)

Rentrez chez vous, monsieur Voldémar, brossez-vous et ne me suivez pas, sinon je vais me fâcher et jamais plus je ne... » Elle n'acheva pas son propos et s'éloigna rapidement ; je m'assis sur le bord du sentier... mes jambes ne voulaient plus me porter. (I. Tourgueniev. Premier Amour, 1974, tr. M.-R. Hofmann)

В (10) оба многоточия ответственны за поддержание читательского интереса: первое отвечает за остроту переживания, затемняя смысловую перспективу и заставляя читателя достраивать ее многовариантное развитие, второе усиливает эффект неожиданности от описания последующей физиологической реакции главного героя.

Этот эффект неожиданности еще более может выражаться многоточием, когда оно разделяет в предложении слова, которые описывают противоречащий здравому смыслу, абсурдный факт, обозначают неожиданное следствие или результат, вызывая у читателя чувство недоумения по поводу сложившегося положения вещей:

(11)

Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе. (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866)

C'est au cours de ce dernier mois que j'ai appris à bavarder, à force de rester des journées entières étendu dans mon coin à penser... à tout et à rien. (F. Dostoïevski. Crime et châtiment, 1947, tr. É. Guertik)

(12)

— Знаете, я столько читал о вреде алкоголя! Решил навсегда бросить... читать. (С. Довлатов. Заповедник, 1983)

— Vous savez, j'en ai tant lu sur les méfaits de l'alcool que j'ai décidé de renoncer définitivement... à la lecture. (S. Dovlatov. Le Domaine Pouchkine, 2004, tr. C. Zeytounian-Beloüs)

Многоточие обозначает заминку, когда говорящий обрывает свои слова, чтобы потом – после небольшой паузы – самому поправить сказанное, представив его в новой – более приемлемой, по мнению говорящего, форме:

(13)

Говорят, я знаю, мужья рассказывают женам свою прежнюю жизнь, но Стива... – она поправилась – Степан Аркадьич ничего не сказал мне. (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1873–1877)

On dit que les maris racontent leur passé à leur femme, mais Stiva... (elle se reprit), Stéphane Arcadiévitch ne m'a jamais rien dit. (L. Tolstoï. Anna Karénine, 1952, tr. H. Mongault)

Многоточие передает прерывистость речи, когда трудности речепорождения вызваны сильными эмоциональными переживаниями (в этих случаях многоточие может замещать собой и часть слова, передавая заикание говорящего):

(14)

— Так... кто же... убил?... – спросил он, не выдержав, задыхающимся голосом. (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, 1963)

« Alors... qui donc... a tué ?... ne put-il s'empêcher de demander d'une voix entrecoupée. (M. Bakhtine. La poétique de Dostoïevski, 1970, tr. I. Kolitcheff)

(15)

– «Абл... ейка меня кк... исла... тою... попробуй»... (А. Белый. Петербург, 1913)

– Râblé... cellule m'a... à l'a, à l'a, cide... essaie. (A. Biély. Pétersbourg, 1967, tr. J. Catteau, G. Nivat)

Оно может ставиться в каком-либо известном предложении, как правило, замещая собой его конечную (реже – первую) часть. Главным условием постановки многоточия здесь является степень прецедентности текста:

(16)

Полупрозрачная наляжет ночи тень... (М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики, 1975)

S'étendent, mi-transparentes, les ombres de la nuit... (M. Bakhtine. Esthétique et théorie du roman, 1987, tr. D. Olivier)

Многоточие при именительном тематическом (именительный предикат) – синтаксической структуре, предваряющей предложение, тематическому которому она представляет, «подчеркивает момент раздумья» [Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник, 2007: 213]:

(17)

Вокзал... Грязноватое желтое здание с колоннами, часы, обесцвеченные солнцем дрожащие неоновые буквы... (С. Довлатов. Заповедник, 1983)

La gare... Un bâtiment jaune à colonnes passablement crasseux, une horloge, des lettres de néon tremblantes que le soleil rend blêmes... (S. Dovlatov. Le Domaine Pouchkine, 2004, tr. C. Zeytounian-Beloüs)

Многоточие служит средством замалчивания при указании на человека или географическое место (населенный пункт и т.д.):

(18)

7) «В С...ую губернию Калломейцев приехал на двухмесячный отпуск, чтобы хозяйством позаняться, то есть «кого пугнуть, кого поприжать». Ведь без этого невозможно!» («Новь», гл. V). (М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики, 1975)

7° ... (Kalloméïtzev) était venu passer deux mois de congé dans le gouvernement de S... pour s'occuper de la gestion de ses biens, c'est-à-dire pour faire peur à l'un et serrer les pouces à l'autre. Sans ces procédés-là, rien pourrait-il marcher ? (Terres Vierges, chap. V.) (M. Bakhtine. Esthétique et théorie du roman, 1987, tr. D. Olivier)

Перерыв в диалогической речи, обозначаемый многоточием, может возникнуть как результат вмешательства со стороны – прерывание собеседником или иными внешними факторами:

(19)

— В романтическом роде? – спросил Малевский. – Конечно, в романтическом роде, байроновском. – А по-моему, Гюго лучше Байрона, – небрежно промолвил молодой граф, – интереснее. – Гюго – писатель первоклассный, – возразил Майданов, – и мой приятель Тонкошеев, в своем испанском романе «Эль-Тровадор»... – Ах, это та книга с опрокинутыми вопросительными знаками? – перебила Зинаида. – Да. Это так принято у испанцев. (И.С. Тургенев. Первая любовь, 1860)

— Dans le genre romantique ? demanda Malevsky. – Bien sûr, à la Byron. – Et moi, je trouve que Hugo vaut mieux que Byron, répliqua négligemment le jeune comte... Plus intéressant... – Certes, Hugo est un écrivain de premier ordre, fit Maïdanov, et mon ami Tonkochéiev dans son roman espagnol El Trovador... – C'est celui où il y a des points d'interrogation à l'envers ? intervint Zinaïda. – Celui-là même. C'est l'usage, chez les Espagnols... (I. Tourgueniev. Premier Amour, 1974, tr. M. – R. Hofmann)

(20)

— А то... – с гневом вскрикнул князь. – Знаю я, что если тебя слушать, – перебила княгиня, – то мы никогда не отдадим дочь замуж. Если так, то надо в деревню уехать. (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1873–1877)

— En quoi !... s'emporta le prince. – Je sais bien qu'à t'écouter, interrompit la princesse, nous ne marierons jamais notre fille. Dans ce cas, autant nous fixer à la campagne. (L. Tolstoï. Anna Karénine, 1952, tr. H. Mongault)

(21)

— Ах, как приятно ужинать вот этак, при камельке, запросто, – дребезжал Коровьев, – в тесном кругу... – Нет, фагот, – возражал кот, – бал имеет свою прелесть и размах. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 2, 1929–1940)

— Ah ! comme c'est agréable, chevrota Koroviev, de dîner comme ça, auprès d'un bon feu, et à la bonne franquette, en petit comité. – Non, Fagoth, répliqua le chat, le bal a aussi son charme et sa grandeur. (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite, p. 2, 1968, tr. C. Ligny)

(22)

— Так какого ж черта... – начал было доктор, но метель влетела ему в рот. (В.Г. Сорокин. Метель, 2010)

— Crénom de nom...! commença Platon Ilitch, mais la tourmente lui cloua le bec. (V. Sorokine. La Tourmente, 2011, tr. A. Coldefy-Faucard)

При оформлении и разговорной речи, и речи письменной многоточие используют, чтобы отметить незавершенность перечислительного (семантически незаконченного, бессоюзного) ряда:

(23)

Деньги – это свобода, пространство, капризы... (С. Довлатов. Заповедник, 1983)

L'argent, c'est la liberté, l'espace, les caprices... (S. Dovlatov. Le Domaine Pouchkine, 2004, tr. C. Zeytounian-Beloüs)

(24)

В темноте ожил армейский узел связи, затрещали пишущие машинки, размножающие копии боевых донесений, зажужжали движки, затарахтела морзянка, и телефонисты перекликались по линиям, – подключали в сеть командные пункты дивизий, полков, батарей, рот... (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, 1959)

A la tombée de la nuit, le centre de transmissions de l'armée s'éveilla. Les machines à écrire cliquetaient, multipliant les rapports, les groupes autogènes ronronnaient, le morse crépitait et les téléphonistes s'interpellaient en branchant sur le réseau les P.C. de divisions, de régiments, de batteries, de bataillons... (V. Grossman. Vie et Destin, p. 1, 1980, tr. A. Berelowitch)

Это значение многоточия может обслуживать его другую функцию – обеспечение доступа к эмоциональному подтексту, как в (24) (о ней говорится в [Валгина, 2004: 72, 126; Сигал, 2014: 44]⁶⁶):

(25)

А на переднем крае сдавали почтальонам равнобедренные бумажные треугольники – «лети, листок, с запада на восток... лети с приветом, вернись с ответом... добрый день, а может быть, и вечер...» (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, 1959)

En première ligne, on remettait au facteur les lettres pliées en triangle : « Vite, vole vers l'orient, dire bonjour à ma maman... Porte vers elle mon amour, et qu'elle réponde à son tour... Bonjour ou peut-être bonsoir. » (V. Grossman. Vie et Destin, p. 1, 1980, tr. A. Berelowitch)

Здесь в сочиненном ряду, состоящем из речевых формул, которые писались на оборотной стороне почтового конверта, каждый компонент отделяется от последующего

⁶⁶ Понятие эмоционального подтекста подробно разбирается в [Сигал, 2014]. Вслед за К.Я. Сигалом, под ним мы понимаем «эмоционально-мотивную “подкладку”» высказывания – подтекст, формирующий «крайне необходимые писателю эмоционально-смысловые “обертон” и “контрапункты”, без которых невозможно представить стилистические тонкости психологически достоверного письма» [Там же: 38].

многоточием, сигнализируя об эмоциональном подтексте, заключенном одновременно и в самой речевой формуле, и в письме, которое ею начинается.

Надо отметить, что при переводе на французский язык этот эмоциональный подтекст в отдельных случаях эксплицируется и приводит либо к дополнению многоточия восклицательным знаком, либо к полной его замене на восклицательный знак, доказывая наличие этой функции у многоточия:

(26)

Приковать их железом огромного моста, проткнуть проспектными стрелами...
(А. Белый. Петербург, 1913)

Se les assujettir par le métal d'un énorme pont, les transpercer des traits de profondes perspectives ! (А. Biély. Pétersbourg, 1967, tr. J. Catteau, G. Nivat)

Для письменной речи характерно следующее употребление многоточия.

Оформляя письменную речь, при разделении повествовательных фрагментов многоточие может указывать на резкий переход от одной мысли к другой. В этом случае оно предваряется абзацным отступом и начинает собой предложение. Со сходной семантической нагрузкой оно используется для оформления внутреннего монолога:

(27)

Это кажется всего великолепнее! И эта же Дунечка за это же кажется замуж идет!..
Великолепно! Великолепно!.. (корпус элиминирует абзацный отступ – восстановлено нами)

...А любопытно, однако ж, для чего мамаша о «новейших-то поколениях» мне написала? Просто ли для характеристики лица или с дальнейшей целью: задобрить меня в пользу господина Лужина? О хитрые! Любопытно бы разъяснить еще одно обстоятельство: до какой степени они обе были откровенны друг с дружкой, в тот день и в ту ночь, и во всё последующее время? (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866)

Ce semble-t-il est plus admirable que tout ! Et c'est cette même Dounietchka qui épouse ce même semble-t-il !... Admirable ! Admirable !... (корпус элиминирует абзацный отступ – восстановлено нами)

... Mais je serais quand même curieux de savoir pourquoi maman m'a parlé dans sa lettre des "nouvelles générations" ? Est-ce simplement pour dépeindre le caractère du personnage ou dans un autre but : pour me disposer en faveur de M. Loujine ? Oh ! les rusées ! Il serait également curieux de tirer au clair une autre circonstance : dans quelle mesure ont-elles été franches l'une avec l'autre, ce jour et cette nuit-là et tout le reste du temps ? (F. Dostoïevski. Crime et châtiment, 1947, tr. É. Guertik)

В идентичной синтаксической позиции многоточие указывает «на то, что излагаемое в нем и в предшествующем ему тексте разделено более или менее длительным промежутком времени» [Шапиро, 1955: 215]. Кроме того, «многоточием обозначается также начало текста, если требуется указать, что в нем возобновляется изложение того, что было прервано какой-либо вставкой значительных размеров, отвлекшей внимание читателя в сторону от хода основного повествования» [Там же: 213].

С таким употреблением многоточия связано существенное ограничение корпусного метода в изучении пунктуации: из-за отсутствия абзацирования в корпусной разметке и отсутствия (в некоторых корпусах) поиска по вхождениям многоточия отследить подобные случаи его реализации довольно трудно.

Многоточие замещает собой купюру в цитате:

(28)

Ну так значит сжигание еретиков есть поступок безнравственный... (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, 1963)

Par conséquent, brûler des hérétiques est une action amorphe... (M. Bakhtine. La poétique de Dostoïevski, 1970, tr. I. Kolitcheff)

Многоточие может указывать, «что начало или конец цитаты, являющейся по отношению к окружающему тексту самостоятельным предложением, не совпадает с началом или концом предложения в цитируемом тексте» [Правила русской орфографии и пунктуации, 1957: 105–106]:

(29)

«...Совершалось все так, как всегда во сне, когда перескакиваешь через пространство и время и через законы бытия и рассудка, и останавливаешься лишь на точках, о которых грезит сердце» (X, 429) (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, 1963)

« Tout cela s'est passé exactement comme il arrive en rêve, quand on saute par-dessus l'espace et le temps, par-dessus les lois de la raison et de la vie quotidienne et qu'on s'arrête seulement sur des points auxquels le cœur aspire » (X, 429). (M. Bakhtine. La poétique de Dostoïevski, 1970, tr. I. Kolitcheff)

Также в нормирующей литературе отмечается, что «многоточием в тексте замещаются части слов, целые слова или группы слов, которые по тем или иным мотивам (чаще всего –

эстетическим)⁶⁷ не могут быть воспроизведены в тексте» [Шапиро, 1955: 214]. См. выше пример (5): «Твое... даже не хочу говорить...»

Пунктуационный узус преимущественно охватывает контексты, где многоточие реализует свою функцию, заключающуюся в обеспечении доступа к эмоциональному подтексту, причем не только на сентенциальном, но и на более высоких уровнях текстовой структуры, когда употребление многоточия становится отдельным композиционным приемом, который организует части целого в единую, эмоционально насыщенную, сложную форму. Эта функция упоминается в отдельных исследованиях, посвященных пунктуации (см. упоминание выше), однако в нормирующей литературе она не закреплена и не обеспечена какими-либо конкретными правилами оформления. Отследить ее реализацию в корпусном материале затруднительно в силу недостатков разметки современных корпусов. В сферу узуального употребления входят контексты, связанные с ситуациями речевого общения, обусловленного цифровизацией: при обмене короткими сообщениями в различных мессенджерах пока собеседник пишет ответ, на диалоговом экране появляется знак многоточия, одновременно обозначающий ожидание и сигнализирующий о том, что ответная реплика воспоследует.

4 | Результаты контрастивного корпусного исследования

Частотность употребления многоточия в сопоставляемых языках составляет⁶⁸:

- 1) 239270 многоточий всего и 10,6 на 1000 слов в русском;
- 2) 559225 многоточий всего и 3,5 на 1000 слов во французском.

Зона межъязыковой функциональной симметрии значительна, однако при переводе с русского на французский многоточие сохраняется в соответствующей синтаксической позиции в 86,91 % случаев, а в обратном направлении – в 81,96 % случаев.

Не полностью совпадает и распределение веса многоточия как знака-носителя определенной семантической нагрузки; детальный анализ этого распределения составляет дальнейшую перспективу исследования. Однако уже сейчас можно отметить, что на периферии функционального репертуара у многоточия в сопоставляемых языках находится спектр его значений, предполагающих постановку в абсолютном начале предложения.

⁶⁷ И этическим.

⁶⁸ Данные получены на основе запросов в монопольных корпусах: XX век и современный корпусы Frantext (159024586 словоупотреблений) – для французского, скомпилированный пользовательский корпус (22673276 словоупотреблений; в НКРЯ отсутствует программная возможность поиска по многоточиям, поэтому привлечены данные из [Мухин, 2019: 378]) – для русского.

Зона асимметрии определялась посредством 4-х из 5-ти поисковых запросов, приведенных в разделе «Материал и метод» (запросы 2–5). Было выявлено, что при переводе с французского на русский многоточие заменяется иным пунктуационным знаком в 13,35 % случаев, а опускается в 4,68 % случаев. Наличие в ИТ какого-либо пунктуационного знака служит стимулом для реализации многоточия в ПТ в 9,12 % случаев, постановка многоточия в ПТ при нулевом эквиваленте в ИТ происходит в 3,83 %. В обратном направлении многоточие заменяется иным пунктуационным знаком в 10,59 % случаев, а опускается в 2,51 % случаев, наличие в ИТ какого-либо пунктуационного знака служит стимулом для реализации многоточия в ПТ в 11,05 % случаев, постановка многоточия в ПТ при отсутствии какого-либо пунктуационного знака-стимула в ИТ происходит в 3,94 %.

В целом, при переводе с французского на русский число многоточий возрастает с 4,21 до 4,86 (на 1000 слов), а в обратном направлении убывает – с 12,1 до 8,23 (на 1000 слов).

Приведенные данные свидетельствуют прежде всего о том, что в двух языковых общностях у многоточия неодинаковый коммуникативный статус. В русском речевом обиходе оно является более востребованным ресурсом письменной речи, тогда как во французском оно занимает значительно более периферийное положение. Это можно интерпретировать как проявление двух различных моделей текстообразования: одна ориентирована на эксплицитное, логически завершенное высказывание, другая – на высказывание, более открытое для интерпретации, эмоционального соучастия и смысловой многомерности.

Французская письменная традиция, наследующая картезианский идеал ясности и дискурсивной прозрачности, тяготеет к максимальной семантической законченности предложения. Многоточие, которое по природе своей маркирует разрыв, недосказанность или неполную экспликацию, воспринимается здесь как отступление от риторического идеала. Русская же традиция, во многом сформированная литературой XIX в. (Достоевским, Пушкиным, Тургеневым, Толстым и т.д.), легитимизировала многоточие как инструмент передачи колебаний мысли, эмоционального напряжения и диалогического взаимодействия с читателем. Поэтому более высокая частотность этого знака в русских текстах сигнализирует о более высокой толерантности к коммуникативной неопределенности.

Лингвистически интересны данные о переводных соответствиях. Французские переводчики несколько чаще сохраняют русское многоточие, чем русские переводчики – французское. На первый взгляд выглядит это как статистическая аномалия, если учесть меньшую нормативную толерантность французского языка к рассматриваемому знаку. Объяснение, однако, находится в социокультурной плоскости.

Русский текст-источник изначально «перенасыщен» многоточиями, и переводчик-француз вынужден сохранять значительную их часть, чтобы не утратить важные смысловые и эмоциональные оттенки оригинала, даже если это нарушает привычную пунктуационную эстетику. В противоположном направлении русский переводчик, сталкиваясь с французским текстом, ощущает дефицит многоточий и склонен компенсировать его добавлением, адаптируясь к читательским ожиданиям. Это предположение подтверждается данными о заменах и опущениях.

Русские переводчики значительно активнее добавляют многоточие на месте других французских знаков (в 9,12 % случаев исходный пунктуационный стимул иного типа приводит к появлению многоточия в переводе) и даже при отсутствии какого-либо знака в оригинале вводят многоточие в 3,83 % случаев. Итоговый баланс плотности многоточия на 1000 слов – увеличение с 4,21 до 4,86 при переводе с французского на русский и уменьшение с 12,1 до 8,23 при переводе с русского на французский – демонстрирует разнонаправленное действие «прагматических фильтров» двух культур.

Переводчик выступает как агент культурной адаптации, следующий «пунктуационной идеологии» принимающего сообщества. Русские переводчики действуют в рамках модели, где письменный текст призван воспроизводить устно-речевые модуляции – паузы, колебания, эмоциональные всплески, – и потому насыщают текст многоточиями, даже если французский оригинал этого избегает. Французские переводчики, напротив, реализуют модель, в которой письменная речь более автономна от устной, и последовательно сокращают количество маркеров спонтанности и недосказанности.

Полученные данные позволяют связать межъязыковую вариативность с понятием культурных скриптов (по А. Вежбицкой). В русском культурном скрипте письменного общения имплицитно заложено правило: «хорошо, когда пишущий дает читателю возможность почувствовать недосказанное, эмоциональное движение мысли». Многоточие служит формальным средством реализации этого скрипта, свидетельствуя о стремлении автора сократить дистанцию с адресатом, создать иллюзию доверительного, неформального диалога. Во французском культурном скрипте, напротив, доминирует установка на ясность и законченность формулировок, а чрезмерное использование многоточия может оцениваться как стилистическая небрежность или излишняя эмоциональность, нарушающая нормы дискурсивной сдержанности. Таким образом, межъязыковая асимметрия отражает глубинную разницу в представлениях о том, что должно быть выражено явно, а что может остаться в области имплицитного.

Наконец, представленные результаты иллюстрируют тезис о динамической устойчивости пунктуационных систем в социокультурном измерении. Устойчивость проявляется в том, что более 80 % многоточий сохраняются при переводе в обоих направлениях, т.е. функциональное ядро знака (маркирование незаконченности, заминки, обрыва) является достоянием общезыкового прагматического инвентаря и не зависит от конкретной культуры. Динамическая же составляющая обнаруживается в тех случаях, когда знак заменяется или опускается: именно на периферии функционального поля, в зонах максимальной эмоциональной нагрузки и контекстной зависимости, включаются культурные фильтры и проявляется вариативность.

С социолингвистической точки зрения эта вариативность видится как системная реализация двух различных «пунктуационных идеологий»: французской, ориентированной на логоцентризм и структурную завершенность, и русской, ориентированной на передачу процессуальности мысли и эмоционального контакта с читателем. Иными словами, полученные количественные данные показывают, как письменная культура преломляет универсальные коммуникативные задачи сквозь призму исторически сложившихся ценностей и норм.

5 | Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что многоточие является значимым прагматическим маркером, функциональная нагрузка которого может варьироваться от языка к языку. Выявленная асимметрия в частотности употребления и переводных соответствиях свидетельствует о различиях в коммуникативных установках французской и русской письменной речи, где многоточие демонстрирует большую продуктивность.

Полученные данные о трансформационных сдвигах при переводе (замена многоточия иными знаками препинания или его опущение) эмпирически подтверждают тезис о несовпадении «прагматических фильтров» в разных языковых культурах.

Установлено, что в сопоставляемых языках одной из основных функций многоточия – наряду с обозначением незаконченности, заминки, перерыва (обрыва) в речи, резкого повествовательного поворота и т.д. – является обеспечение доступа к эмоциональному подтексту. Способность многоточия углублять эмоционально-личностную перспективу высказывания приводит к ряду трансформаций в переводе. Так, например, замена конечной точки многоточием обеспечивает бóльшую объективацию эмоционального смысла в переводимом тексте. Зафиксированы случаи, позволяющие предположить, что постановка

многоточия в оригинале может восприниматься переводчиком как сигнал, способный санкционировать расширение зоны умолчания, т.е. индуцирующий в переводе опущение фрагментов исходной информационной структуры, как в (30):

(30)

Саша Соколовский даже пригрозил матери самоубийством – и он сделал такую попытку! Это произошло уже в сентябре... (И. Кудрова. Путь комет, 2007)

Sacha Sokolovski menaça même sa mère de se suicider, et, en septembre, fit une tentative... (I. Koudrova. La mort de Marina Tsvétaïéva, 2015, tr. Н. Henry)

Важным результатом работы является доказательство, что пунктуационная система обладает свойством динамической устойчивости: при общей зоне функциональной симметрии (сохранение знака в большинстве случаев) существуют зоны асимметрии, где переводчик вынужден прибегать к трансформациям, адаптируя пунктуационную структуру под нормы принимающего языка. Эти наблюдения имеют прикладное значение для совершенствования систем автоматического перевода и обработки естественного языка. Учет пунктуационной асимметрии позволит повысить качество синтеза и распознавания письменной речи в проектировании ряда современных информационных продуктов на основе искусственного интеллекта, существенно приближая генерируемый текст к эталонным речевым образцам.

В социалингвистической перспективе дальнейшее изучение пунктуации и, в частности, многоточия, открывает возможности для наблюдения за процессами нормообразования в цифровой среде и их влияния на письменную культуру в целом. Для этого необходимо будет привлекать не только данные художественной/нехудожественной литературы, но и корпусы естественной цифровой коммуникации в мессенджерах, что позволит составить более полную картину функционирования знаков препинания в реальных коммуникативных практиках и прогнозировать векторы эволюции пунктуационных систем. Одним из ключевых методологических инструментов здесь может стать глубинное интервью, которое поможет выявить факты реального употребления знаков препинания в языке в их взаимосвязи с личным опытом и социальными установками индивида.

ЛИТЕРАТУРА

- Валгина Н. С. (2004) Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высш. шк. 259 с.
- Кронгауз М. А. (2025) Профессор РГГУ Максим Кронгауз – о новых трендах сетевой пунктуации // Российский государственный гуманитарный университет. 9 дек. Режим доступа: <https://www.rsuh.ru/news/my-v-smi/professor-rggu-maksim-krongauz-o-novykh-trendakh-setevoy-punktuitsii>. Дата обращения: 25.02.2026.

- Мухин М. Ю. (2019) Статистическая динамика многоточия: Позавчера... Вчера... Сегодня... // Феномен незавершенного. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 375–386.
- Нуриев В. А., Игнатова С. Д. (2024) Надкорпусная база данных как инструмент изучения пунктуации // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. С. 147–158. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-11
- Нуриев В. А., Карпов В. И. (2023) Методология корпусно-ориентированного исследования в области контрастивной пунктуации // Информатика и ее применения. Т. 17. № 2. С. 90–95. DOI: 10.14357/19922264230213
- Нуриев В. А., Кружков М. Г. (2023) Корпусные данные при контрастивном изучении пунктуации // Системы и средства информатики. Т. 33. Вып. 1. С. 14–23. DOI: 10.14357/08696527230102
- Нуриев В. А. (2025) Двоеточие: функциональная (а)симметрия между русским и французским языками // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 28, № 3. С. 28–40. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-2
- Правила русской орфографии и пунктуации (1957) / Под ред. Л. А. Четко. М.: Учпедгиз. 176 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник (2007) / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо. 480 с.
- Сигал К. Я. (2014) Пунктуация как средство создания эмоционального подтекста (на материале рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека» и его переводов на английский язык) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 73, № 6. С. 38–50.
- Шануро А. Б. (1955) Основы русской пунктуации. М.: Изд-во Академии наук СССР. 394 с.
- Busch F. (2021) The interactional principle in digital punctuation // *Discourse, Context & Media*. Vol. 40. P. 100481. DOI: 10.1016/j.dcm.2021.100481
- Nádvorníková O. (2020) The use of English, Czech and French punctuation marks in reference, parallel and comparable web corpora: a question of methodology // *Linguistica Pragensia*. Vol. 30. Iss. 2. Pp. 30–50.
- Pecorari F., Longo F. (2021) The Ellipsis and the Dash in Italian and English: A Contrastive Perspective // *Vergleichende Interpunktion – Comparative Punctuation* / Eds. P. Rössler, P. Besl, A. Saller. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 289–314.
- Steinsiek S., Beißwenger M., Zang Y. (2025) Digital punctuation from a contrastive perspective: Corpus-based investigations of ellipsis points in German and Chinese messaging interactions // *Exploring digitally-mediated communication with corpora: Methods, analyses, and corpus construction* / Eds. L. Cotgrove, L. Herzberg, H. Lungen. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 83–114. DOI: 10.1515/9783111434018-004
- Ström Herold J., Levin M. (2021) The Colon in English, German and Swedish: A Contrastive Corpus-Based Study // *Vergleichende Interpunktion – Comparative Punctuation* / Eds. P. Rössler, P. Besl, A. Saller. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 237–261.

REFERENCES

- Busch, F. (2021) The interactional principle in digital punctuation. *Discourse, Context & Media*, vol. 40, p. 100481. DOI: 10.1016/j.dcm.2021.100481
- Krongauz, M.A. (2025) Professor RGGU Maksim Krongauz – o novykh trendakh setevoy punktuatsii [Professor of the Russian State University for the Humanities Maxim Krongauz – on new trends in online punctuation]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarny universitet* [Russian State University for the Humanities]. 9 December. Available

- at: <https://www.rsuh.ru/news/my-v-smi/professor-rggu-maksim-krongauz-o-novykh-trendakh-setevoy-punktuatsii> (Accessed: 25 February 2026). (In Russian).
- Mukhin, M.Yu. (2019) Statisticheskaya dinamika mnogotochiya: Pozavchera... Vchera... Segodnya... [Statistical dynamics of the ellipsis: The day before yesterday... Yesterday... Today...]. In: *Fenomen nezavershennogo* [The phenomenon of the incomplete]. Ekaterinburg: Ural University Publishing House. Pp. 375–386. (In Russian).
- Nádvorníková, O. (2020) The use of English, Czech and French punctuation marks in reference, parallel and comparable web corpora: a question of methodology. *Linguistica Pragensia*, vol. 30, iss. 2, pp. 30–50.
- Nuriev, V.A. (2025) Dvoetochie: funktsional'naya (a)symmetriya mezhdu russkim i frantsuzskim yazykami [The colon: Functional (a)symmetry between Russian and French]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], no. 3, pp. 28–40. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-2 (In Russian).
- Nuriev, V.A., Ignatova, S.D. (2024) Nadkorpurnaya baza dannykh kak instrument izucheniya punktuatsii [A supracorpus database as a tool for studying punctuation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], no. 4, pp. 147–158. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-11 (In Russian).
- Nuriev, V. A., Karpov, V. I. (2023) Metodologiya korpusno-orientirovannogo issledovaniya v oblasti kontrastivnoy punktuatsii [The methodology of the corpus-based studies in the field of contrastive punctuation]. *Informatika i ee primeneniya* [Informatics and its Applications], vol. 17, no. 2, pp. 90–95. DOI: 10.14357/19922264230213 (In Russian).
- Nuriev, V.A., Kruzhkov, M.G. (2023) Korpusnye dannye pri kontrastivnom izuchenii punktuatsii [The parallel corpora perspective on studying contrastive punctuation]. *Sistemy i sredstva informatiki* [Systems and Means of Informatics], vol. 33, iss. 1, pp. 14–23. DOI: 10.14357/08696527230102 (In Russian).
- Pecorari, F., Longo, F. (2021) The Ellipsis and the Dash in Italian and English: A Contrastive Perspective. In: Rössler, P., Besl, P. and Saller, A. (eds.) *Vergleichende Interpunktion – Comparative Punctuation*. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 289–314.
- Pravila russkoy orfografii i punktuatsii* [Rules of Russian orthography and punctuation] (1957) Ed. by L.A. Chetko. Moscow: Uchpedgiz. 176 p. (In Russian).
- Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian orthography and punctuation. Complete academic reference] (2007) Ed. by V.V. Lopatin. Moscow: Eksmo. 480 p. (In Russian).
- Shapiro, A.B. (1955) *Osnovy russkoy punktuatsii* [Foundations of Russian punctuation]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 394 p. (In Russian).
- Sigal, K.Ya. (2014) Punktuatsiya kak sredstvo sozdaniya emotsional'nogo podteksta (na materiale rasskaza M.A. Sholokhova «Sud'ba cheloveka» i ego perevodov na angliyskiy yazyk) [Punctuation as a means of creating emotional subtext (based on M.A. Sholokhov's story "The Fate of a Man" and its translations into English)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], vol. 73, no. 6, pp. 38–50. (In Russian).
- Steinsiek, S., Beißwenger, M., Zang, Y. (2025) Digital punctuation from a contrastive perspective: Corpus-based investigations of ellipsis points in German and Chinese messaging interactions. In: Cotgrove, L., Herzberg, L. and Lungen, H. (eds.) *Exploring digitally-mediated communication with corpora: Methods, analyses, and corpus construction*. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 83–114. DOI: 10.1515/9783111434018-004

- Ström Herold, J. Levin, M. (2021) The Colon in English, German and Swedish: A Contrastive Corpus-Based Study. In: Rössler, P., Besl, P. and Saller, A. (eds.) *Vergleichende Interpunktion – Comparative Punctuation*. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 237–261.
- Valgina, N.S. (2004) *Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii: Ucheb. posobie* [Current issues of modern Russian punctuation: A textbook]. Moscow: Vysshaya shkola. 259 p. (In Russian).

Виталий Александрович Нуриев

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, (ИНИОН РАН)
Москва, Российская Федерация.
Адрес для корреспонденции:
17418 Российская Федерация,
г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Эл. адрес: nurievv@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7602-5744>

Vitaly A. Nuriev

Doctor Habil in Philology, leading researcher,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
51/21, Nakhimovsky Prospekt
Moscow 117418,
Russian Federation.

Email: nurievv@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7602-5744>

Для цитирования: Нуриев В.А. От русского многоточия к французскому: к вопросу о межъязыковой вариативности // Социоллингвистика. 2026. № 1. С. 119–141. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-07

For citation: Nuriev V.A. From Russian to French ellipsis marks: A cross-linguistic perspective on punctuation variability // Sociolinguvistika. 2026. No. 1. Pp. 119–141. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-07

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.10.2025;
approved after reviewing 11.05.2026;
accepted for publication 08.06.2026.